

ПЛОТНИКОВ А.В.

ассистент кафедры международного права
и международных отношений Национального
университета «Одесская юридическая академия»

ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В XXI ВЕКЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ключевой особенностью международного права является отсутствие единого центрального субъекта, создающего правовые нормы и способного обязать участников международных отношений исполнять эти нормы. В национальном праве роль обязывающего субъекта играет государство, устанавливающее единый правовой режим на своей территории и следящее за соблюдением национального права гражданами. В международном же праве в принципе отсутствует возможность создания такого обязывающего субъекта; его отсутствие делает систему международного права достаточно гибкой для резких изменений направлений его развития.

Существующее на данный момент международное право является, по сути, порождением западной, преимущественно англо-американской политико-правовой мысли. Со времён Гуго Гроция международное право развивается в рамках единой парадигмы, порождённой европейским правосознанием, а эволюция международного права предопределяется эволюцией европейского правосознания. Такое развитие международного права обуславливалось и обуславливается ведущей ролью евроатлантической цивилизации в системе международных отношений. Однако, уже сейчас международная система претерпевает заметные изменения в связи с выходом на ведущие позиции неевропейских государств, таких как Китай, Индия, государства Латинской Америки, что стало одной из важнейших причин фрагментации международного права. В настоящей статье мы бы хотели указать на, вероятно, даже более серьёзную проблему нежели фрагментация, возникновение которой возможно в связи с потенциальными изменениями в системе международных отношений в XXI веке. Речь идёт о смене парадигмы развития международного права как регулятора международных отношений, которая может стать результатом изменений в международном правосознании.

Осознавая масштабность данной темы, мы хотели бы подчеркнуть, что наша статья не претендует на полноту и законченность освещения дан-

ной темы. Мы предлагаем лишь вывод из двух посылок; первая посылка заключается в том, что международное правосознание, формирующееся как сумма правосознаний отдельных субъектов, является объективно существующей реальностью и способно оказывать влияние на развитие международного права. Вторая посылка состоит в наличии в международном праве явления фрагментации вызванной, помимо всего прочего, различиями в международном правосознании отдельных субъектов. Перейдём к рассмотрению наших посылок.

Вывод о наличии первой посылки был сделан нами на основании труда А.А. Мережко «Наука политики международного права: истоки и перспективы», а также статьи Т.Р. Короткого и Е.Н. Шевчука «Международное правосознание на рубеже тысячелетий», опубликованной в сборнике «Международное право после 11 сентября 2001 года». В упомянутой статье авторы справедливо указывают на расширение «базы» международного правосознания, что связано с проникновением международного права в сферы, ранее регулировавшиеся исключительно внутригосударственным правом и с попаданием под действие международно-правовых норм всё более широкого круга лиц. Увеличение числа «субъектов» международного правосознания повышает влияние этого правосознания на международно-правовые отношения¹. Упомянутая статья содержит ряд важных выводов относительно бытия международного правосознания и необходимости изучения данного феномена; в ней также справедливо указывается на широту проблемы международного правосознания и невозможность охватить данное понятие в рамках одной научной работы. Мы позволим себе развить мысль авторов статьи и предположить, что не только международное правосознание влияет на сознание отдельных субъектов (специалистов в области международного права, общественных деятелей, правоприменителей, политиков), но и сознание этих субъектов способно оказывать влияние на международное право. Таким образом, речь идёт о двустороннем процессе взаимовлияния. Однако, для конструирования данного вывода нам потребуется вторая посылка, состоящая в наличии в международном праве явления фрагментации.

В настоящий момент проблема фрагментации международного права является общепризнанной; на актуальность этой проблемы неоднократно указывала и Комиссия по международному праву ООН². Представляется, что не последней причиной фрагментации является разница в понимании самого термина «международное право», характерная для различных

¹ Короткий Т.Р., Шевчук Е.Н. Международное правосознание на рубеже тысячелетий // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 129-139.

² Доклад Комиссии международного права ООН, пятьдесят восьмая сессия. Дополнение № 10 (А/58/10), Нью-Йорк, 2003. – [Электронный ресурс] – Режим доступа до ресурсу: вільний, <http://untreaty.un.org/ilc/reports/2003/russian>;

правовых культур. По мнению такого выдающегося доктринолога как И.И. Лукашук, международно-правовая мысль была слишком долго сконцентрирована на разрешении отдельных частных задач, причём не уделялось должного внимания теоретическому осознанию и развитию всей международной системы в целом¹. Результатом этого стала разница в подходах к построению международных норм, демонстрируемая представителями различных правовых традиций. Отсутствие должного взаимодействия при создании региональных международных норм способствовало выделению региональных международно-правовых систем. Безусловно, данный фактор является не единственной причиной фрагментации международного права. Такая фрагментация является, в первую очередь, результатом международной политики, проводимой с помощью международного права. Однако не следует умалять и значение международного права в построении этой политики. Как указывает А.А. Мережко в своей работе «Наука политики международного права», международное право может быть и должно быть не слепым орудием политики государств, но побуждать изменения в этой политике путём формирования определённых правовых режимов и, в более широком смысле, – определённого международного правосознания².

Исторический опыт демонстрирует, что международное право действительно может быть действенным политическим инструментом. Так, международные нормы, созданные в первые годы после окончания Второй мировой войны способствовали гуманизации и либерализации правосознания всего человечества, признанию войны неправомерным инструментом разрешения международных споров, а также всеобщему признанию основных стандартов прав человека.

Ссылаясь на мнение всё того же А.А. Мережко, можно отметить, что формирование политики международного права зависит, в первую очередь, от осознания его творцами целей и задач такой политики³. Однако, именно на этом этапе перехода идеального осознания задач международного права к их практическому воплощению в виде международных норм и имеет место разница в подходах, ведущая к фрагментации.

Как уже было отмечено нами, современное международное право является продуктом англо-американской правовой мысли и, соответственно, наиболее полно может быть сопоставлено с системой обычного права. Исторические причины, способствовавшие такому развитию международного права вполне очевидны и объяснимы. В условиях, когда решающую роль в развитии мира играли Великобритания, а впоследствии США, оче-

¹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров в 2 т. – Т. 1. Заключение международных договоров / И.И. Лукашук. – М.: Wolters Kluwer Russia, 2004. – С. 59.

² См.: Мережко А.А. Наука политики международного права: истоки и перспективы / А.А. Мережко. – К.: Юстиниан, 2009. – С.33-38.

³ Мережко А.А. Указ. соч. – С. 37.

видно, что именно их правовое мышление должно было стать эталоном при создании единых «правил игры» на международной арене.

В настоящий момент такой подход к формированию международного права устарел вследствие образования в мире новых центров развития. В результате этого стандарты международного права, созданные на основе англо-американской правовой и политической философии, вступают в конфликт с интересами участников международных отношений, стремящихся действовать на основании собственных правовых и политических философий.

В настоящий момент признанным является выделение европейского права как особой подсистемы в рамках международного права. Важно отметить, что европейское право формировалось не одномоментно, но прошло длительный путь развития, отправной точкой которого послужило осознание европейскими государствами единства своих интересов, сначала в экономической и оборонной, а затем в политической и идеологической сфере. Дальнейшая работа по развитию европейского права, очевидно, проводилась европейскими политиками и экспертами с характерной для них континентальной (романо-германской) правовой философией, что привело к высокой степени нормативного урегулирования в рамках европейского права, по сравнению с общим международным правом. Такому регулированию способствовало и наличие в региональных правовых системах более широких возможностей для внедрения императивных норм.

Основываясь на примере европейского права, можно утверждать, что «зародышами» формирования подсистем международного права становятся региональные договорённости по отдельным вопросам, при заключении которых предусматривается возможность дальнейшей региональной интеграции. При этом, не играет существенной роли конкретная направленность таких соглашений, важно лишь осознание участниками этих соглашений единства своих интересов. Так, мусульманские государства создают интеграционные объединения на основании стремления к идеологическому единству, африканские государства – необходимости разрешения политических и социальных проблем континента, государства Юго-Восточной Азии и Латинской Америки формируют группы, в первую очередь, на основании общности экономических интересов. Отсюда следует и разница в политических подходах к формированию региональных правовых систем. Европейские государства стремятся к продвижению политической философии либерализма, мусульманские государства основываются на исламской политической философии, потенциальный союз государств Северной Америки строится на началах неореализма, а государства Юго-Восточной Азии и Латинской Америки действуют на началах неомарксистской политической философии.

Т.Р. Короткий и Е.Н. Шевчук отмечают, что «в силу особенностей правовой психологии и составляющих её правовых взглядов и чувств, эмоций,

международное правосознание, причём на всех уровнях – обыденном и профессиональном, в большей степени, чем национальное, подвержено религиозному влиянию, что в настоящее время особенно проявляется в международном правосознании исламских государств»¹. Здесь хочется отметить, что поскольку авторы сами указали на особенности правовой психологии и составляющих её правовых взглядов как на источник международного правосознания, можно говорить не только о религиозном, но и, в более широком аспекте, об идеологическом влиянии на международное правосознание. Международное право, в конечном счёте, пишется людьми, обладающими собственными представлениями о возможном и должном в праве, о его задачах и ценностях. Г.А. Анцелевич и А.А. Покрещук указывают на влияние международного правосознания на международно-правовые отношения и процесс формирования международного права². Такое влияние представляется особенно сильным, если учесть ещё один фактор, крайне слабо исследованный в отечественной литературе, однако подробно рассматриваемый в литературе западной. Речь идёт о влиянии политической воли государств на формирование международного права.

Как отмечает профессор Кембриджского университета М. Диксон, «в отношениях между государствами нежелательно существование отношений правового превосходства...система международного права должна обеспечивать взаимодействие юридически равных субъектов, а не контролировать их»³.

В международном праве не существует независимых и незаинтересованных акторов. Каждое государство, очевидно, стремится занять лучшее положение на международной арене всеми средствами, в том числе, используя в качестве инструмента международное право. Это означает, что каждое государство стремится иметь больше прав и меньше обязанностей по сравнению с другими государствами. Распределение прав и обязанностей между государствами, воплощаемое в международном праве, отражает глобальные политические процессы. Как отмечает Д.В. Грейг, международное право не может существовать в изоляции от политических факторов, действующих в области международных отношений⁴. Вследствие этого, международное право более схоже с национальным частным договорным правом, чем с публичным правом. Поведение государств на международной арене сходно с поведением членов сообщества, пытающихся договориться по определённым вопросам, опираясь на своё могущество и влияние. Профессор Йельского университета М.С. Паулсен описывает международное право как иллюзорную систему, которая создаётся, фактически, не правовыми

¹ Короткий Т.Р., Шевчук Е.Н. Указ. соч. – С. 136.

² См.: Анцелевич Г.О., Покрещук О.О. Міжнародне право. Підручник / Г.О. Анцелевич, О.О. Покрещук – К.: Алерта, 2003. – С. 67.

³ Dixon M. Textbook on International Law / M. Dixon – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 2

⁴ Greig D. International Law / D. Greig – London.: Butterworths, London, 1976. – P. 11

средствами, но волей государств¹. Здесь необходимо отметить, что международное право, всё же, представляет собой особую систему и неверным было бы смешивать его с международной политикой.

Комментируя данную мысль М.С. Паулсена, П. Спиро отмечает, что международное право не поддерживается материальной силой, способной влиять на международных акторов². Тем не менее, эти акторы, такие как государства, международные организации и, что немаловажно, политические деятели, вынуждены считаться с международным правом как с независимой системой. Образуется достаточно характерное для международного права противоречие между волей отдельных участников международных отношений, стремящихся к неограниченности собственных действий предписаниями права и осознанием этими же участниками потребности в общих для всех «правилах игры».

Профессор Принстонского университета Дж.Дж. Салмон разъясняет данное противоречие «недостаточной сплочённостью международного сообщества, отображаемой в его праве и существованием разночтений относительно фундаментальных моментов, вследствие чего содержание его концепций часто оказывается менее защищённым, чем в национальном праве, что приводит к тому, что правотворческий процесс в международном праве оказывается крайне относительным»³.

Международное право, таким образом, можно рассматривать как систему, необходимую государствам для разрешения противоречий между собой. Такая система не опирается на некоторые универсальные принципы, но является скорее соглашением относительно текущих вопросов. Даже те принципы, которые закреплены в уставе ООН отражают уровень правосознания западных государств, но не всего международного сообщества в целом, а, следовательно, потенциально могут быть изменены в случае, если роль западных государств в международных отношениях продолжит уменьшаться.

В отличие от национального права, создаваемого и реализуемого единым актором на основе единой концепции, концепция международного права может изменяться в зависимости от политической ситуации и отношений между государствами. Относительно этого М. Диксон отмечает, что «правила в международном праве создаются, в основном, государствами либо с собственными целями, либо как средство для того, чтобы облегчить функционирование организаций, членами которых они являются»⁴. Меж-

¹ Paulsen M. The Constitutional Power to Interpret International Law // Yale Law Journal, vol. 118, September 2009. – PP. 1762-1842

² Spiro P. Wishing International Law Away, 2009. Официальный сайт Йельского журнала международного права. – [Электронный ресурс]. – <http://www.yalelawjournal.org/content/view/821/20>

³ Salmon, J.J. Some Observations on Characterization in Public International Law / Cassese, A. UN Law // Fundamental Rights: Two Topics in International Law, Martinus Nijhoff Publishers, Alpen aan der Rijn, 1979. – PP. 5-6.

⁴ Dixon M. указ. соч. P.- 3

дународное право создаётся международным сообществом, а не наоборот, и может быть изменено изменившимся международным сообществом. Проиллюстрируем наше заключение несколькими конкретными примерами.

Одной из основополагающих концепций современной международно-правовой системы и значительной части национальных законодательств является идея о примате прав человека. Данная доктрина нашла своё отражение в национальных законодательствах ещё во второй половине XIX – первой половине XX века. Однако, идея прав человека длительное время не была отражена в международных документах. Осознание необходимости её утверждения пришло лишь после Второй мировой войны, которая со всей ясностью показала, что предотвращение грубых нарушений прав человека является делом всего мирового сообщества, а не только отдельных государств. Идея на международном уровне обязать государства соблюдать права человека возникла изначально лишь как идеологическое оружие против нацистской Германии, а принятие Всеобщей Декларации Прав Человека стало лишь следствием политической воли государств¹.

При образовании ООН она рассматривалась как универсальная международная организация, предназначенная для защиты международного мира прав человека. Однако, как указывает Д. Кьюбану, договорённости между СССР и США привели к забвению этой основной цели, поскольку ООН, фактически, превратилась в своеобразный международный форум, «который не может защищать безопасность государств-членов Организации без согласия великих держав в целом и Соединённых Штатов и Советского Союза в частности»². Более того, в настоящий момент в международном праве складывается опасная практика использования прав человека в качестве орудия для оправдания нарушения ещё более фундаментального принципа международного права – принципа государственного суверенитета. Вторжение в Югославию, российско-грузинская война 2008 года, вторжения в Афганистан и Ирак проводились именно под знаменем защиты прав человека. При этом в международном праве возникли такие противоречивые концепции, как «гуманитарная интервенция» и «война с терроризмом»^{3 4 5}

¹ Beily P. The Creation of the Universal Declaration of Human Rights. – [Электронный ресурс]. – <http://www.universalrights.net/main/creation.htm>.

² Ciobanu D. Impact of the Soviet-American Relations Upon the Organization and the Functioning of the United Nations. /Cassese, A. UN Law/Fundamental Rights: Two Topics in International Law, Martinus Nijhoff Publishers, Alpen aan der Rijn, – PP. 5-6.

³ Подробнее см.: Дрёмин В.Н. Борьба с международным терроризмом в контексте прав человека // Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С.71-82.

⁴ Ярмаки В.Х. Теракты 11 сентября – удар по международному праву / Международное право после 11 сентября 2001 года: Сб. науч. статей / Под ред. М.Ф. Орзиха, М.Е. Черкеса. – Библиотека журнала «Юридический вестник». – Одесса: ФЕНІКС, 2004. – С. 262-264.

⁵ Ладыненко П.А. Виды вооружённых конфликтов и применимое к ним право // Альманах международного права. – 2009. – № 1 – С. 136-150.

неопределённость которых, фактически, оставляет широкое поле для произвола сильных государств в отношении слабых.

Рассмотрим теперь более узкий пример влияния международного сообщества на международное право, для чего обратимся к международным правилам инвестирования. Так, в деле «Барселона Трэкшн» (*Barcelona Traction*), окончательное решение по которому было вынесено Международным Судом ООН в 1973 году, были установлены международные правила относительно определения национальности корпорации в инвестиционных спорах. Такие правила создавались с целью защиты развивающихся государств от неправомерных действий транснациональных корпораций, о чём прямо упоминалось в решении: «не акционеры этих огромных корпораций нуждаются в дипломатической защите; а скорее беднейшие или слабейшие государства, в которых происходит инвестирование, нуждаются в защите от вторжения мощных финансовых групп или давления правительств»¹. Может показаться, что в данном решении восторжествовало «чистое» международное право, поскольку Международный Суд ООН принял сторону слабых, выступив против влиятельных международных акторов. Однако, как указывает Л.Дж. Ли, решение Международного Суда лишь заставило международных акторов изменить их практику в отношении дипломатической защиты, что привело к результату, прямо противоположному тому, который предусматривался судьями при вынесении решения в деле «Барселона Трэкшн», принципы которого теперь активно используются развитыми странами. По мнению Ли, «существование множества двусторонних инвестиционных договоров позволяет корпорациям добиваться защиты сразу многих государств, то есть, имеет место именно тот феномен, который должно было предотвратить решение по делу «Барселона Трэкшн»².

Обратимся теперь к недавнему примеру победы воли политического блока над международным правом, создавшему опасный прецедент для всего международного сообщества в целом. В 2008 году Суд Европейских Сообществ вынес решение по делу Кади против Совета и Комиссии (*C402/05P, Kadi v Council and Commission*). Указанное дело возникло из обязательств европейских государств, возложенных на них Регламентом Совета Европейского Союза № 881/2002 «О некоторых специальных ограничительных мероприятиях, направленных против физических и юридических лиц, связанных с Усамой Бен Ладеном, сетью Аль-Каида и Талибан». Регламент,

¹ *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*; International Court of Justice (ICJ), 5 February, 1970, Официальный сайт Международного суда ООН. – [Электронный ресурс]: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=1a&case=50&code=bt2&p3=4>.

² Lee L.J. *Barcelona Traction in the 21st Century: Revisiting its Customary and Policy Underpinnings 35 Years Later*, 2006. Официальный сайт Британской энциклопедии. – [Электронный ресурс]. – Available: <http://www.britannica.com/bps/additionalcontent/18/23435366/BARCELONA-TRACTION-IN-THE-21ST-CENTURY-REVISITING-ITS-CUSTOMARY-AND-POLICY-UNDERPINNINGS-35-YEARS-LATER>.

в свою очередь, был принят во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН 1398 (2002)¹. Помимо прочего, Регламент установил возможность конфискации собственности физических и юридических лиц, подозреваемых в связях с международными террористическими группировками. Во исполнение принятого регламента была конфискована собственность ряда физических лиц – граждан государств ЕС и юридических лиц, зарегистрированных на территории ЕС. По мнению лиц, чья собственность была конфискована, таким образом были нарушены предписания Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, устанавливающая принцип презумпции невиновности и невозможность наказания до тех пор, пока вина лица не будет доказана судом. Конфискация имущества сама по себе является средством уголовного наказания, следовательно, не может быть применена до вынесения законного приговора².

Пройдя через Европейский суд по правам человека и Суд первой инстанции Европейский Сообществ, дело оказалось в Суде Европейских сообществ, в котором истцы оспорили правомерность Регламента № 881/2002. Суд Европейских Сообществ оказался в сложной ситуации. С одной стороны, оспаривание Регламента, фактически, означало оспаривание резолюции Совета Безопасности ООН, который Европейский суд отменить неправомерно. С другой стороны, нарушение норм Европейской конвенции о правах человека было очевидным. Фактически, суд должен был ответить на вопрос, можно ли отказаться от определенных положений европейского законодательства ради соблюдения обязательств перед ООН, либо наоборот, выполнение обязательств перед ООН не должно ставить под угрозу европейское законодательство.

Изучив обстоятельства дела, суд вынес решение, безупречное с точки зрения права ЕС, однако крайне противоречивое с точки зрения международного права и международной политики. Указав на отсутствие полномочий для рассмотрения правомерности резолюции СБ ООН, Суд указал на своё право рассматривать правомерность всех актов Сообществ «в свете фундаментальных прав, представляющих собой неотъемлемую часть общих принципов Европейского права, в том числе, рассмотрения мероприятий Союза, направленных на предоставление законной силы резолюциям Совета безопасности». Основываясь на данном аргументе, Суд Европейских Сообществ удовлетворил требования истцов и отменил Регламент Совета

¹ Council of the European Union, Council Regulation (EC) No. 881/2002 of 27 May 2002 imposing certain specific restrictive measures directed against certain persons and entities associated with Usama bin Laden, the Al-Qaida network and the Taliban.//Official Journal of the European Communities 29.5.2002 L 139/9. – [Электронный ресурс] <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2002:139:0009:0022:EN:PDF>

² C-402/05P, Kadi v Council and Commission, Opinion of Advocate General Miguel Poaires Maduro of 16 January 2008. – [Электронный ресурс] http://blogeuropa.eu/wp-content/2008/02/cnc_c_402_05_kadi_def.pdf ;

Европейского Союза № 881/2002 как не отвечающий основным нормам о защите прав человека, действующим в ЕС. И хотя, формально, суд отменил лишь акт ЕС, фактически произошёл отказ от выполнения требований резолюции Совета Безопасности ООН. Как отметил генеральный адвокат Мигель Пойнарес Мадуро, решение по делу Кади является логическим продолжением всей предшествующей судебной практики ЕС, поскольку «договор ЕС является не просто соглашением между государствами, но соглашением между народами Европы, а значит Договор создал новый правопорядок, отличный от существующего публичного международного права. Хотя право ЕС применяется с учётом существующего международного права, окончательное решение относительно действия международных обязательств в рамках правопорядка ЕС принимается на основе права ЕС».

Обрисованная Мадуро система является автономной, позволяющей международному праву влиять на неё лишь в той мере, в которой европейское право не запрещает такое влияние. По мнению немецкой исследовательницы К. Зиглер, такая позиция Суда Европейских Сообществ неминуемо приведёт к дальнейшим изменениям и фрагментации международного права.

Маловероятно, что суд Европейских Сообществ учитывал обозначенную проблему при вынесении своего решения. Его позиция объясняется скорее желанием уберечь европейское право от посторонних влияний, в особенности, в такой важной сфере как защита прав человека. Имеет место скорее ситуативная реакция на проблему, а не сознательный отказ от исполнения резолюции СБ ООН. Но такая реакция неотъемлемо связана с европейской политикой, более того, она имела и политическое последствие в виде ущерба имиджу ЕС как «доброего международного гражданина».

На основании вышеизложенных примеров мы приходим к выводу, что воля международного сообщества должна рассматриваться как причина, а текущее состояние международного права – как следствие. Можно спорить относительно степени влияния международной политики на международное право, однако такое влияние прослеживается на всех уровнях: от глобальных принципов международного права, до отдельных специализированных институтов.

Предполагаемые изменения в системе международного права являются неизбежным следствием из нашего вывода. Существующая на данный момент система международного права строится вокруг правовых норм и институтов, созданных в рамках ООН. Организация Объединённых Наций достаточно эффективно выполняла свою системообразующую роль в период противостояния СССР и США, а также в первые годы после окончания этого противостояния, являясь своеобразным форумом «великих держав». Представляется, что современный кризис ООН вызван, не в последнюю очередь, тем, что в мире возникают новые влиятельные международные

игроки, не удовлетворяющиеся их текущим положением в системе ООН, в том числе, недопуском их в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. В результате, ООН рискует повторить судьбу Лиги Наций, эффективность которой постепенно свелась к нулю. Падение роли ООН, очевидно, будет означать забвение принципов международного права, упомянутых в уставе организации, первыми признаками которого стали противоречивые военные операции, производимые с нарушением устава ООН. У организации, в свою очередь, нет эффективного механизма для противостояния произволу сильных государств на международной арене. При этом, сами сильные государства создают опасные прецеденты отказа от исполнения своих обязательств в рамках ООН, которые могут в дальнейшем обернуться против самих этих государств. Игнорируя международно-правовые предписания, «великие державы» открывают возможности для пересмотра всей имеющейся международной системы. При этом, такие государства как США, Россия и государства Евросоюза, на данный момент, не обладают достаточным влиянием для того, чтобы навязать пересмотренную международную систему всему остальному миру, что может иметь два следствия. В первом варианте, международное право будет и дальше распадаться на отдельные изолированные региональные системы, во втором варианте, к пересмотру имеющейся системы международного права будут привлечены государства и региональные блоки, чья правовая культура отличается от той, которая заложена в основу современного международного права. Однако, в обоих случаях следует ожидать фундаментальных изменений в системе международного права на уровне принципов, причём, впервые в истории международного права, во внесении в него изменений будут участвовать политики и доктриналоги, воспитанные не в европейской, а в иных правовых культурах.